

УДК 343.1

ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА УЧАСТИЕ В УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ (ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ)

В. В. Олейник, преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Статья посвящена истории формирования субъективных прав потерпевшего и отношение государства в предоставлении таких прав с целью защиты потерпевших от преступных посягательств.

Ключевые слова: государство; право; потерпевший; преступление; ответственность; уголовное дело; следователь; прокурор.

VICTIM'S RIGHTS TO PARTICIPATE IN CRIMINAL PROSECUTION (HISTORY OF DEVELOPMENT)

V. V. Oleynik, Lecturer of special disciplines in Far East Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of sciences (Law).

The article is devoted to the history of the formation of the subjective rights of the victim and the attitude of the state in granting such rights in order to protect victims from criminal encroachments.

Keywords: state, law; victim; crime; responsibility; criminal case; investigator; prosecutor.

Древнейшим способом разрешения конфликтов в догосударственном обществе славянских племен была кровная месть; вор, убийца или разбойник, пойманный на месте преступления, мог быть убит без какого-либо судебного разбирательства. Позднее месть в ряде случаев была вытеснена денежным вознаграждением. Если потерпевший не мог самостоятельно мстить за обиду или добиваться от преступника возмещения ущерба, следовало обращение к суду [1, с. 147–149].

С появлением Русской Правды Ярослава Мудрого [13, с. 27–132] в начале XI в. частное мщение существенно ограничивается – только ближайшим родственникам позволяется мстить за убитого, при их отсутствии предусмотрено денежное вознаграждение (вероятно, семейству убитого). В более поздних редакциях данного документа, начиная с Правды Ярославичей, за убийство положена была вира, и ее получал уже князь [19, с. 10–11].

Судебный процесс в этот период не был разделен на уголовный и гражданский, имел состязательный характер. «Сторонами являются частные лица, но в этот древний период не физические, а обыкновенно совокупность лиц – семья, род и община» [5, с. 86]. Процесс начинался по заявлению потерпевшего (истца). В случае желания обидчика уклониться от суда, потерпевший мог предпринять против него определенные односторонние насильственные действия [5, с. 89–90].

В суде активная роль принадлежала сторонам, государство стороной в процессе не выступало, лишь в некоторых случаях оказывая истцу помощь в преследовании преступлений [5, с. 86].

В эпоху судебныхников обозначились две формы процесса: суд и сыск (розыск).

Дела возбуждались не иначе, как по инициативе потерпевшего, без какого-либо предварительного следствия. Суд начинался словесным изложением его претензий («иска»). Дальнейший ход процесса состоял в выслушивании заявлений сторон и исследовании предъявленных ими доказательств. Пытка не применялась. Оценка доказательств была делом свободного усмотрения судьи. Дела могли закончиться миром. Неявка сторон на суд в назначенное время приводили к прекращению дела.

Осуществление сыска (розыска) было обязанностью административно-судебных органов. Суд сам, собственными средствами обязан был доказать виновность обвиняемого. В качестве таких средств выступали обыск (опрос) и пытка [5, с. 104–125].

20 ноября 1864 г. Александр II утвердил Судебные уставы. В доктрине уголовный процесс по уставам характеризовался как обвинительный, или состязательный. Вместе с тем отмечались и «отступления» от состязательного начала, в частности, отсутствие таковой на предварительном следствии (что некоторыми авторами характеризовалось как недостаток) [3, с. 6]; сохранение за судом некоторых «...обязанностей власти обвинительной...» [15, с. 78–81]. Большинство авторов не подвергали сомнению «принцип материальной истины», необходимость активной деятельности суда в процессе [11, с. 29–30].

УУС четко разграничил три различных порядка уголовного преследования: публичное, частно-публичное и частное. В качестве основного критерия разграничения преступлений на виды составителями УУС назывался интерес, являющийся основным объектом посягательства: «уголовные дела по проступкам и преступлениям могут заключать в себе или нарушение главным образом прав только известного частного лица, без особенного посягательства на безопасность общества, или преимущественно посягательство иного рода, более опасное и вредное».

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. [16] формально сохранил состязательный характер судопроизводства, что признавалось

и доктриной. «Наш процесс близок, если и вовсе не совпадает, к процессу обвинительному ... который не отрицает отнюдь начал состязательности», – писал, например, В. С. Ундревич [17].

При этом «руководящая» роль суда была существенно усилена: на председательствующего возлагалась обязанность устранять из судебного следствия все, что не имеет отношения к данному делу и направлять следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины (ст. 257). Суд мог по своей инициативе истребовать новые доказательства (ст. 57 и 302); возбуждать уголовное преследование (ст. 96), а в ходе судебного разбирательства изменять характер и объем первоначального обвинения (ст. ст. 312, 313). Участие обвинителя в разбирательстве дела было признано не обязательным, за исключением случаев, когда суд признает его необходимым (ст. 231). Фактически в 1924 г. прокурор выступал в суде лишь по 2,6 % дел, направленных в суд [17, с. 63]. При этом к поддержанию обвинения на суде допускался не только прокурор, но и иные лица по постановлению суда (ст. 50). В качестве таковых могли выступать, например, следователи и так называемые «общественные обвинители» [17, с. 63–65].

Правовое положение потерпевшего существенно изменилось по сравнению с дореволюционным законодательством, что было обусловлено существенным усилением публичного начала в уголовном процессе. Установка высшего политического руководства на поглощение частного публичным, интересов индивида – «коллективными» «... в самых разнообразных формах проводилась в многочисленных публикациях, адресованных судьям» [2]. Доктрина отрицала наличие диспозитивности в уголовном процессе [17, с. 59], утверждала, что «весь процесс от начала до конца проводится в публичном интересе, а не в интересах частных лиц» [20, с. 183]. Частное обвинение было объявлено «мало соответствующим духу советского законодательства» [17, с. 68], его существование объяснялось «... частичным сохранением в советском государстве бытовых отношений, доставшихся от буржуазного общества» [14, с. 1185]. Соответственно, концепция субсидиарного и совместного с прокурором обвинения была решительно отвергнута.

Произошло существенное сужение прав потерпевшего, которое проявилось в следующем.

1. Жалоба потерпевшего потеряла свое значение достаточного повода для производства расследования. Заявления потерпевших, как и иных лиц, являлись лишь поводами к возбуждению уголовного дела (ст. 91). В этом органы дознания, прокурор или следователь могли отказать, «усмотрев из самого заявления ... отсутствие в деле признаков преступления». Такой отказ мог быть обжалован в суд в 7-дневный срок (ст. 95).

2. Было значительно сокращено число дел частного-публичного обвинения (ст. 11).

3. Роль частного обвинения была существенно сужена, оно допускалась лишь по небольшому числу дел, указанных в ст. 10 (об умышленных легких телесных повреждениях; побоях и иных насильственных действиях, причинивших физическую боль; оскорблении; клевете). В этом случае потерпевший имел право на поддержание обвинения в суде. Он был вправе заявить ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, экспертов, об истребовании других доказательств с обязательным обоснованием своей просьбы.

4. Признание потерпевшего гражданским истцом осуществлялось по ходатайству потерпевшего постановлением следователя, допускался мотивированный отказ в его удовлетворении (ст. 120). При этом прокурор мог поддерживать иск во всех стадиях процесса, если признавал это необходимым (ст. 54).

5. Права потерпевшего, не являющегося гражданским истцом, в досудебном производстве были существенно ограничены, при этом появился явный дисбаланс в правах потерпевшего и обвиняемого.

6. В судебном разбирательстве потерпевший, не являвшийся частным обвинителем или гражданским истцом, выступал лишь как свидетель. Как отмечал Р. Д. Рахунов, «потерпевший ... мог быть допрошен подсудимым, но сам не был вправе ставить вопросов подсудимому, не мог его изобличать» [12, с. 238]. Не мог он и обжаловать приговор, такое право принадлежало только сторонам (ст. 349).

УПК РФ также расширил понятие потерпевшего, включив в него юридическое лицо (в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации) (ч. 1 ст. 42), и впервые обозначил совокупность правомочий потерпевшего по участию в уголовном преследовании как «право на участие в уголовном преследовании» (ст. 22).

Конкретные правомочия потерпевшего по сравнению с УПК РСФСР были расширены. Так, он получил право «знать о предъявленном обвинении» (п. 1 ч. 2 ст. 42), участвовать с разрешения следователя и дознавателя в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его представителя (п. 9 ч. 2 той же статьи); давать согласие на рассмотрение дела без проведения судебного разбирательства, в порядке, предусмотренном гл. 40 (ч. 1 ст. 314 УПК РФ); подавать заявление о прекращении дел публичного обвинения небольшой и средней тяжести ввиду примирения с обвиняемым (ст. 25 УПК РФ).

Тем не менее, реализация практически всех прав потерпевшего на досудебных стадиях была поставлена «в зависимость от усмотрения органов уголовного преследования» [10].

Модель участия потерпевшего в уголовном преследовании, избранная законодателем, была четко сформулирована руководителем парламентской

рабочей группы по подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению Е. Б. Мизуиной: праву потерпевшего «на обвинение» «...коррелирует обязанность ... государственного обвинителя поддерживать и доказывать обвинение» [7], другими словами, потерпевшего «...защищает гособвинитель – прокурор» [9].

Практически сразу после принятия УПК РФ многие авторитетные авторы утверждали, что «УПК лишь продекларировал приоритет защиты прав и законных интересов потерпевшего, формально наделив его широким кругом полномочий. По существу, наиболее важные права этого участника уголовного процесса, предусмотренные в новом Законе, оказались по сравнению с УПК РСФСР существенно ограниченными» [4]; «в стремлении защитить право обвиняемого... законодатель в определенной степени упустил из виду права потерпевших» [6, с. 6].

Главной же проблемой называлось то, что права потерпевшего «...возникают у него слишком поздно, только с того момента как дознаватель, следователь, прокурор или суд вынесут постановление о признании его потерпевшим». При этом во многих случаях правоприменители «не торопились» наделять потерпевшего соответствующим статусом вплоть до окончания предварительного расследования.

В дальнейшем правовой статус потерпевшего (в том числе правомочия по участию в уголовном преследовании) подвергся определенной корректировке федеральным законодателем (в ряде случаев направляемым Конституционным Судом РФ).

В частности, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ [8]:

- уточнил момент признания лица потерпевшим;
- уравнил потерпевшего и его представителя в правах с обвиняемым (подозреваемым) и его защитником при назначении и производстве судебной экспертизы;
- наделил потерпевшего правом знакомиться с материалами дела в случае его прекращения; расширил перечень документов, копии которых имеет право получать потерпевший на досудебных стадиях;
- расширил право потерпевшего на возмещение ему судебных издержек.
- обязал следователя уведомлять потерпевшего о поступившем от обвиняемого ходатайстве о применении особого порядка и разъяснять потерпевшему право возражать в суде против применения этого порядка;

Расширены права несовершеннолетнего потерпевшего, предусмотрены:

- обязательное участие адвоката по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности;

– возможность отстранения от участия в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, действия которого наносят ущерб интересам последнего;

– особенности проведения допроса, очной ставки и проверки показаний на месте с его участием.

Одновременно были расширены основания привлечения потерпевшего к уголовной ответственности: в дополнение к ответственности за отказ от дачи показаний, была предусмотрена ответственность за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

В целом УПК РФ сохранил советскую модель участия потерпевшего в уголовном преследовании, несколько расширив круг его правомочий; однако вопрос о том, насколько «монополизировано» уголовное преследование и какова реальная роль потерпевшего в его осуществлении, остается дискуссионным.

Список источников

1. Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. М., 2005.
2. Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997.
3. Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895.
4. Демидов В. Обеспечить потерпевшего реальными правами // Российская юстиция. 2003. № 11.
5. Дьяконов М. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства. Юрьев, 1905.
6. Максимов В. Не теряйте веру в торжество закона! (интервью с В. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ) // Российская юстиция. 2006. № 3.
7. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: Концепция самоограничения государства: дис. ... докт. юрид. наук. Ярославль, 1991.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6997.
9. Ополчение органов // Новая газета. 2001. 16 апреля.
10. Пашин С. А. Состязательность «отложена в сторону» // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ. – <http://www.coast.ru/referats/librery1/editions/upk/2.htm>.
11. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М.: Тип. Г. А. Лемана, 1913.
12. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961.

13. Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984.
14. Строгович М. Уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 41.
15. Таубер Л. Я. Иск, обвинение и состязательное начало (Процессуальные параллели) // Вестник гражданского права. 1917. № 1.
16. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утвержден постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений. 1923. № 7. Ст. 106.
17. Ундревич В. С. Права и функции сторон по Уголовному Кодексу РСФСР // Ученые Записки Саратовского Государственного Университета. 1926. Т. V. Вып. 3. [Отдельный оттиск].
18. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. Издание четвертое / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1912.
19. Челюков П. Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855.
20. Чельцов М. А. Уголовный процесс: учеб. для юридических институтов и юридических факультетов университетов. М., 1948.

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ, ФСИН РОССИИ В ПРОЦЕССЕ КОНТРОЛЯ ЗА ПРЕБЫВАНИЕМ В СТРАНЕ МИГРАНТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ОСВОБОЖДЕНИЮ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В. С. Пацевич, адъюнкт адъюнктуры Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия уполномоченных органов в ходе принятия и реализации решений о депортации иностранных граждан, подлежащих освобождению из мест лишения свободы. На основании проведенного анализа автором сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: мигрант, взаимодействие, информационный обмен, нежелательность пребывания, депортация.